

РАН В. А. Снытко. Он отметил, что творческие идеи Докучаева сыграли выдающуюся роль в развитии многих научных направлений, в частности, в географии. Путь, пройденный географией, схематично можно представить в виде последовательной смены четырех главных стадий: выяснение общих свойств нашей планеты и основных внешних черт поверхности – изучение отдельных элементов ее природы – установление взаимных связей между ними – исследование географических комплексов (геосистем). Деятельность и творчество Докучаева пришлось на две последние стадии, когда ему удалось создать генетическое почвоведение и наметить пути развития физической географии.

Заслушанные на семинаре доклады в полной мере осветили жизнь и творчество выдающегося ученого и, что не менее важно, показали, что его труды не потеряли своей актуальности и в наши дни. Многие из того, что задумал Докучаев, находят продолжение в исследованиях современных ученых. Докладчиками были прослежены идеи Докучаева в современных науках о Земле, таких как почвоведение, геоморфология, экология, гидрохимия, гидрология, геоэкология, а также агрономия, рациональное природопользование и др. По результатам работы семинара были намечены перспективные направления развития историко-научных исследований по изучению научного наследия Докучаева.

Х МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЕЙБНИЦЕВСКИЙ КОНГРЕСС

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЮК *

С 18 по 23 июля 2016 г. в Ганновере проходил X Лейбницевский конгресс, организованный Ганноверским университетом им. Лейбница и Международным обществом Готтфрида Вильгельма Лейбница. Конгресс проходил под патронажем премьер-министра (министр-президента) земли Нижняя Саксония Штефана Вайля, нашедшего свое прямое выражение в непосредственном участии мэра (обербургомистра) Ганновера Штефана Шоштока и министра культуры и науки земли Нижняя Саксония Габриелы Хайнен-Кляич. Во время тор-

жественного открытия в королевском дворце Герренгаузен они обратились с приветствиями к участникам конгресса. На следующий день работы в мэрии состоялся традиционный прием – подобный организуется каждый раз, когда лейбницевский конгресс проходит в Ганновере. Мэр города господин Шошток выступил с речью, в которой не только выразил свою радость, что Ганновер в конце концов стал родным домом для Лейбница, но и порассуждал о смыслах его философии в XXI в. и о пользе международного общения ученых, изучающих ее.

Все официальные церемонии сопровождались музыкальными номерами, представленными именитыми

* Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14. E-mail: dmtr.bayuk@gmail.com.

исполнителями и ансамблями Ганновера. Репертуар соответствовал случаю: в первый день церемонии открытия предшествовала музыка итальянского композитора Агостино Стеффани (1654–1728), в перерыве между выступлениями официальных лиц и первым пленарным заседанием была представлена музыка Георга Филиппа Телемана (1681–1767), а завершила первую утреннюю сессию музыка Георга Фридриха Генделя (1685–1759). Для Стеффани его пребывание в Ганновере в качестве придворного капельмейстера стало самым продолжительным и плодотворным в его музыкальной карьере: тут он оставался почти двадцать лет – с 1688 по 1703 г. После этого он оставил занятия музыкой и полностью посвятил себя дипломатии и теологии. Но несмотря на это, а также на то, что он не последовал за ганноверским курфюрстом Георгом в Лондон, Академия старинной музыки избрала его своим пожизненным почетным президентом.

Для Телемана Ганновер никогда не был местом жизни – наиболее длительный и наиболее плодотворный период его жизни связан с Гамбургом, причем в то время, когда Лейбница уже не было в живых, с 1721 по 1767 г., но в Ганновере он бывал часто и был там многим хорошо знаком. Не будем забывать, что при жизни Телеман пользовался репутацией лучшего немецкого композитора и многие почитали за честь состоять с ним в переписке: среди его корреспондентов – жители практически всех стран Европы, включая Россию, что, безусловно, роднит его с Лейбницем. Судьба Генделя оказалась связана не столько с Ганновером, сколько с двором ганноверского курфюрста: он приехал в Ганновер в 1710 г. и сра-

зу по рекомендации Стеффани стал придворным капельмейстером. В этом качестве он уже в 1712 г. переехал в Лондон, где оставался до своей смерти, лишь изредка навещая Ганновер в свите английского короля Георга I, в которого преобразился ганноверский курфюрст.

Еще одно музыкальное представление состоялось в третий день конгресса, но на этот раз исполнялась современная музыка, которая, не сомневаюсь, Лейбницу бы не понравилась. Публичную вечернюю лекцию в тот день предварило «музыкальное подношение» кларнетиста Удо Гримма *Unnatural Nature*, получившее приз на проходившем в этом же году конкурсе композиторов «Гармонии Лейбница».

Музыкальные интерлюдии и дивертисменты в ходе конгресса совершенно не случайны. Они не только создавали атмосферу – музыкальная теория и музыкальная практика играли большую роль в мироощущении и в метафизике Лейбница. Он исследовал природу темперации музыкальной гаммы (напомню, что в год смерти Лейбница И. С. Баху исполнилось всего 32 года и до появления первого тома «Хорошо темперированного клавира» оставалось еще пять лет) и пытался сконструировать новую музыкальную систему, в которой на каждую октаву приходилось бы по 31 ноте. Знаменитый русский музыковед князь В. Ф. Одоевский полагал, что для понимания природы русской музыки работы Лейбница столь же необходимы, как и работы Леонарда Эйлера. Сочинениям Лейбница по музыкальной теории и его эстетике была посвящена отдельная секция во время конгресса.

Торжественную церемонию открытия проводил президент Меж-

дународного общества Готтфрида Вильгельма Лейбница Эрих Барке, а завершал серию официальных приветствий ректор (президент) Ганноверского университета им. Лейбница Фолькер Эппинг. Последний не только поприветствовал участников, но и дал некоторые представления об их численности и национальном разнообразии: на момент начала церемонии открытия, по его данным, зарегистрировалось 445 участников из более чем 25 стран мира. При перечислении каких именно стран профессор Эппинг забыл Украину, и харьковский профессор В. А. Абашник, именем которого по совпадению начинался алфавитный список участников конгресса, ему об этом напомнил.

За официальной частью и музыкальным дивертисментом последовала первая сессия пленарных лекций, включавшая выступление профессора Йоркского университета Катрин Уилсон («Теории войны и мира: вклад Лейбница в мысль XVIII в.») и профессора Герберта Брегера («От песчинки до бесконечности небес»). Выпускница Принстона, долгое время работавшая в Канаде, а потом перебравшаяся в Великобританию, Катрин Уилсон главным образом занимается эпикурейской этикой. В рассуждениях Лейбница о катастрофах ее внимание привлекло то место, где проводится грань между катастрофами, вызванными силами природы, стихийными бедствиями, и катастрофами, вызванными злой человеческой волей или неразумием. Лейбниц замечает, что различие это не так сильно, как можно было бы подумать. И по проявлениям, и по последствиям войны очень часто похожи на жестокое стихийное бедствие.

Профессор Брегер, математик, практически вся академическая карьера которого связана с Ганновером и который до 2011 г. возглавлял Лейбницеvский архив, дал широкую панораму математического творчества Лейбница и его, если так можно выразиться, космологические приложения. В центре его внимания, по понятным причинам, оказалась судьба математического анализа бесконечно малых, темы, привлекавшей в XVII в. внимание, разумеется, всех без исключения, кто только имел хоть какое-то отношение к математике. Но лишь двоим удалось построить последовательную и связную теорию – Лейбницу и Ньютону. Отдельные же успехи были сделаны и в значительно более ранние времена: так, нельзя обойти вниманием, и Лейбниц не обходил, сочинение Архимеда «Исчисление песчинок». Песчинка – метафора дифференциала, с помощью которого удается построить теорию движение неба.

Во дворец Герренгаузен после утреннего заседания первого дня участники конгресса вернулись только в день последний, на заключительную сессию и церемонию закрытия конгресса. Все же остальные заседания проходили в Лихтхофе – главном здании Ганноверского университета им. Лейбница. Пытаться дать здесь хотя бы краткое описание сессий было бы по меньшей мере самонадеянно, так как в каждый момент их проходило не менее двадцати. Кроме того, по сложившейся традиции тексты всех выступлений были изданы, и каждый участник конгресса получил при регистрации по пять увесистых томов. Наверное, это уже архаизм и напрасная трата бумаги и средств: куда разумнее было бы выложить все эти тексты на сайте кон-

гресса, предоставив всем желающим возможность скачивать и распечатывать то, что им интересно и нужно. Но – такова традиция. Из шестерых ученых из России, доклады которых были предложены и потом приняты программным комитетом, приехали на конгресс только двое сотрудников ИИЕТ РАН – О.Б. Федорова и я (Д.А. Баюк). Один из двух наших комплектов трудов конгресса будет передан в библиотеку ИИЕТ, как только она возобновит свою работу. Мы представляли совместный доклад на тему «Лейбницевская классификация наук», включенный в программу секции «Естественные науки и науковедение II», проходившей под председательством Марии Соль де Мора Чарлес (Университет Страны Басков).

Вторая пленарная сессия проходила на утреннем заседании в среду. Она включала три доклада, или, вернее сказать, лекции. Первая, принстонского философа и теолога Роберта Меррихью Адамса, была посвящена «Прагматизму и идеализму в способах Лейбница отделять реальные явления от воображаемых». Вопрос сам по себе исключительно важный, восходящий к Пармениду и Платону. Если попытаться сформулировать его в современных терминах, то звучать он может примерно так: если мы строим теорию, вещь, как известно, исключительно прагматическую, то для определения области ее применимости было бы полезно знать, что в ней реально, а что привносится в нее воображением, поскольку без одного никакую теорию построить невозможно.

Проблеме реальности оказалась посвящена и вторая лекция, прочитанная профессором философии из Эдинбурга Паулиной Фемистер. Она

называлась «Лейбницевские зеркала, или отражая прошлое». С точки зрения Фемистер, существенное улучшение технологии производства зеркал итальянскими мастерами середины XVII в. подтолкнуло Лейбница к плодотворным размышлениям о природе отражения в контексте понимания реальности. Особое очарование у него вызывало явление, получившее в современном английском языке название *optical feedback*: когда установленные на конечном расстоянии параллельно друг другу зеркала дают возможность увидеть себя в бесконечном количестве копия, до бесконечности разбегающихся в противоположные стороны. Вопрос о реальности отражения в зеркале не так прост – достаточно вспомнить, что даже в школьном курсе физики его называют мнимым. О реальности увиденной в зеркале бесконечности нечего и говорить. Но не подобен ли зеркальному отражению образ прошлого, который строит нам историческая наука? Как и зеркальное отражение, он всегда здесь, в настоящем, хотя и кажется уходящим куда-то вдаль.

Третья лекция, прочитанная парижским профессором Мишелем Фишаном и озаглавленная «Этапы лейбницевской динамики: от реформы к обоснованиям», сильно отличалась от первых двух. Во-первых, она была прочитана по-французски. Как сказал профессор Фишан, по-французски Лейбниц говорил не хуже, чем по-немецки, и именно на этом языке написал многие свои сочинения. Во-вторых, ее тема была значительно ближе развитию естествознания, чем философской рефлексии. Сама по себе реформа динамики Лейбница заключалась в том, чтобы использовать интегралы движения для вывода

уравнений движения. При этом Лейбниц, следуя Х. Гюйгенсу, обратил внимание на то, что сохраняющейся величиной при упругих столкновениях будет не декартовский импульс, пропорциональный скорости, а живая сила, в его обозначениях, или кинетическая энергия, согласно современной номенклатуре. Иными словами, если несколько модернизировать терминологию, то Ньютон исследовал сами уравнения движения, связывающие силу и ускорения, а Лейбниц нащупал путь к прямому выписыванию первых интегралов этих уравнений, не решая их. Таким образом, в-третьих, тема лекции Фишана имела отношения к одному из самых удивительных и до сих пор труднообъяснимых феноменов научной революции XVII в. – построению математической модели мироздания. На том этапе эта модель была механической и позволяла вычислять положения и скорости тел на основании действующих сил. Но, по мнению Лейбница, природа субстанции была двоякой – материальной или духовной. И увидев, до какой степени математика оказывается эффективной при изучении движения субстанции первого типа, Лейбниц почему-то никогда не пытался использовать ее, исследуя движение субстанции второго типа.

Последняя, четвертая лекция этого дня была прочитана доктором Норой Гедеке, сотрудницей Лейбницевского архива. Ее темой была ранняя рецепция творчества Лейбница. Речь шла о последних годах жизни ученого и, в большей степени, об остальном XVIII в.

Среди научных докладов были и некоторые иные виды научной активности, например, вручение пре-

мии, учрежденной страховой компанией *VGH* и присуждаемой за лучшую докторскую диссертацию последних пяти лет на лейбницевскую тему. Закрывался конгресс в пятницу после обеда. Лекций было всего две, так как не все лекторы этого дня смогли приехать на конгресс. А потом, закрывая его, слово взял профессор Берлинского технического университета Ганс Позер. Этим летом в Ганновере Позер был одним из немногих участников всех десяти Лейбницевских конгрессов. Он рассказал, как сорок лет назад, во время I Лейбницевского конгресса было ощущение начала новой эпохи. Приехало неожиданно много советских ученых, среди них А.П. Юшкевич и А.Т. Григорьян. Казалось, что стены, разделяющие Европу, рушатся, как об этом мечтал Лейбниц. Но сейчас, по прошествии десятилетий, мы видим, что оптимистические надежды тех лет сбываются совсем не так, как думали тогда. Стены воздвигаются снова, хотя и неправильно было бы думать, что мы просто возвращаемся к тому, отчего относительно недавно ушли. Профессор Позер упомянул кризис беженцев в Европе и недавнюю атаку террориста-смертника в Ницце. Он не знал о трагических событиях, который в самый момент его речи разворачивались в Мюнхене, где 18-летний уроженец города с иранскими корнями устроил расстрел посетителей торгового центра. Следствие исключило мотивы теракта в организации этого кровавого преступления, но погибшим от этого не легче, а соображение Лейбница, что человеческое неразумие в чем-то сродни стихийному бедствию, внезапно нашло прискорбное, но красноречивое подтверждение.